

УДК 930.2:001.4(045)

*М. Ф. Махлай***К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕРМИНАХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

В статье сквозь призму критики книги проф. Н. Г. Георгиевой о теоретических проблемах исторического источниковедения рассматриваются предлагаемые решения некоторых спорных терминологических и методических вопросов. Учитывая дискуссионность многих из них, такой подход автора можно только приветствовать. Рецензент с сожалением констатирует сохраняемый в книге привычно узкий подход к пониманию предмета источниковедения, предопределивший пренебрежение автора книги характеристиками методов источниковедческой работы с неписьменными типами источников. Особое внимание в статье уделяется анализу этапа источниковедческого исследования, который Н. Г. Георгиева, с точки зрения рецензента, предложила неудачно текстологическим этапом. Разбор положений книги и предлагаемых её автором новых терминов не позволил рецензенту согласиться с некоторыми из них. Тем не менее, в книге есть много достоинств: логичная и завершённая структура, корректный способ характеристики дискуссионных проблем, оригинальные предложения в терминологии истолкования текста, наукообразный и одновременно простой ясный язык. В целом рецензент полагает, что среди опубликованных в последние годы пособия Н. Г. Георгиевой относится к одному из лучших по теоретическим проблемам современного источниковедения.

Ключевые слова: Н. Г. Георгиева, предмет источниковедения, эвристический этап, текстологический этап, истолкование источника, герменевтический этап, информация источника.

Общие теоретико-методологические проблемы источниковедения нечасто становятся объектом изучения в современной исторической науке. В то же время короткую эпоху некоторой растерянности и равнодушия к выбору методологического основания для своих изысканий в среде отечественных историков сменила эпоха методологического эклектизма не в лучшем смысле этого слова. Нередко к эклектизму примешивается довольно агрессивное давление на историческое сообщество в стремлении заставить признать единственно верной какую-то одну парадигму, один методологический подход, что особенно характерно для сторонников антисциентистских направлений в русле феноменологии или нетрадиционной герменевтики. Вот один из образцов: «Современный источниковедческий подход соответствует системному подходу гуманитарного познания, восходящему к наследию А. С. Лаппо-Данилевского, в рамках концепции которого ключевой единицей выступает реализованный продукт человеческой психики. Учитывая то, что механизмы человеческой психики типологически однородны, к продукту её деятельности тоже возможен общий подход, то есть единый метод методологии источниковедения» [15, с. 121]. К счастью, современное источниковедение на самом деле вовсе не требует признать исторический источник продуктом реализации человеческой психики, пригодным для изучения фактов, имеющих историческое значение, как полагал А. С. Лаппо-Данилевский более ста лет назад. В современном источниковедении представлен целый спектр мнений по поводу того, что следует считать историческим источником, какова должна быть структура источниковедческого исследования, как следует решать вопросы соотношения субъективного и объективного в источнике и т. п. Многие проблемы имеют ярко выраженный дискуссионный характер. И отнюдь не все мнения сводятся к неокантианству в духе А. С. Лаппо-Данилевского, что не делает их менее современными, чем мнение, приведённое выше в виде цитаты. На этом фоне интересно явление каждой новой книги, посвящённой вопросам теории источниковедения, неважно, в виде ли монографии или учебного издания она была написана.

Книга, рассматриваемая в данной статье, — это продолжение выпущенного в 2016 г. д-ром ист. наук, проф. Российского университета дружбы народов Натальей Георгиевной Георгиевой учебного пособия «Историческое источниковедение: теоретические проблемы» [2], и посвящённая по-прежнему актуальной проблематике в области теории источниковедения. Эта книга «Историческое источниковедение: понятийно-терминологические и методические проблемы» [1] имеет логичную структуру, материал представлен в виде 4 глав, первая из которых историографического характера, а каждая из трёх последующих освещает одну из стадий источниковедческого исследования. Скромное определение жанра работы как *учебного пособия* не должно вводить читателей в заблуждение. Н. Г. Георгиева даёт обобщённую информацию об опыте решения теоретико-методологических проблем источниковедения в XVIII–XX вв., хотя на этот раз её историографические экскурсы не столь детальны и развёрнуты, как

в первой книге. Однако автор пособия не только рассматривает вопросы структуры источниковедческого исследования и целого ряда источниковедческих понятий, но и предлагает новые понятия, новые их смыслы и новые трактовки уже вошедших в обиход современного историка терминов. Именно эти предложения автора способны вызвать наибольший интерес читателя, кем бы он ни был: преподавателем, аспирантом, магистром или студентом.

В первой главе, как указано выше, представлена историографическая картина длительного пути отечественной исторической науки в поисках наиболее оптимальной структуры источниковедческого исследования. В частности, отмечена такая редко встречающаяся в историографических работах, но важная деталь, как заслуга М. П. Погодина в выделении эвристики в отдельный этап научной критики источника [1, с. 8]. Однако в представленной картине есть упрощающие её неточности и недосказанности. Так, с одной стороны, неприятие гиперкритицизма М. Т. Каченовского и «скептиков» историками-«прагматиками» имело более глубокие причины, чем обычная настороженность учёных по отношению к излишнему радикализму [1, с. 8]. Проблема для историков-«прагматиков» была не в том, что «скептики» иронизировали по поводу скрупулёзности Н. М. Костомарова, а в том, что их критика основывалась на поверхностном бытовом здравом смысле — и только. Рассуждая о «духе времени», которому не соответствовало, по мнению «скептиков», содержание того или иного источника, они не задавались вопросом: а на основании собственно чего, если не тех же самых текстов, сложилось их субъективное представление о «духе времени»? Но, с другой стороны, историки-«прагматики» признавали необходимость более глубокой работы с информацией источника, что в конечном итоге привело В. О. Ключевского к мысли о необходимости не противопоставления достоинств «внешней» и «внутренней» критики источника, а их объединения в единый источниковедческий анализ.

Весьма странным представляется нам и утверждение Н. Г. Георгиевой о том, что Василий Осипович Ключевский предполагал, «что если подлинность источников установлена, то достоверность их информации не нуждается в критике» [1, с. 11]. Однако историк в своих лекциях по источниковедению, на которые ссылается автор пособия, подчёркивал совершенно иное: «Неверное отражение мысли в таком памятнике [словесном, т. е. письменном. — прим. авт.] происходит от двух причин: или испорчен текст его, и потому неверно передаёт[ся] мысль его автора, или самая мысль автора намеренно или ненамеренно неверно передаёт действительность. **Критика**, имеющая целью к восстановлению **подлинного текста** памятника, называется **филологической**. **Критика**, имеющая целью определить угол преломления действительности, **степень уклона авторской мысли** от действительности, может быть названа **фактической**» [7, с. 7]. Очевидно, что В. О. Ключевский не считал, что критика текста делает ненужной критику фактов.

Рассматривая выделение этапов источниковедческого анализа И. Д. Ковальченко, автор пособия ставит ему в упрёк факт отнесения к двум разным этапам истолкования источника и установления «адекватности информации прошедшей объективной реальности» [1, с. 18–19]. Упрёк этот мы считаем абсолютно неправомерным в силу того простого факта, что Н. Г. Георгиева и И. Д. Ковальченко по-разному трактуют истолкование источника. Для И. Д. Ковальченко истолкование источника — это интерпретация его непосредственного текста, которая учитывает конкретно-исторические изменения понятий, неадекватность застывших формул документа реально существовавшим отношениям, использование иносказаний и пр. [5, с. 21]. Для Н. Г. Георгиевой же истолкование источника — это интерпретация информации, содержащейся в тексте, а не самого текста. Конечно, форма и содержание взаимозависимы (в т. ч. и исторического источника), но всё же форма не есть содержание.

Главным недостатком главы и учебного комплекса в целом, представляется нам то, что Н. Г. Георгиева сужает предмет источниковедения. Источниковедение автором пособий трактуется как специальная наука, предметом изучения которой являются только письменные источники. В итоге у читателя создаётся искажённое представление, в т. ч., и об историографической традиции отечественного источниковедения. За бортом текста остались многочисленные плодотворные дискуссии отечественных историков о соотношении таких наук, как археология, этнология и источниковедение письменных источников, в ходе которых вырабатывалось общее понимание и исторического источника, и методики его исследования, и многих других теоретически вопросов источниковедения. Междисциплинарный подход стал одной из объективных необходимостей в развитии современной науки, однако он, по сути, проигнорирован Н. Г. Георгиевой как при определении объекта и предмета источниковедения, так и при характеристике методов источниковедческого исследования.

Во второй же главе, пожалуй, впервые в отечественной традиции, даётся столь глубокий анализ *эвристического этапа* источниковедческой работы: в полной мере характеризуются его теоретико-методологические принципы, закономерности, задачи и цели. Здесь представлены и описание сфер поиска источника, и информации о них. Увы, указанный выше узкий подход к пониманию объекта источниковедения ограничивает характеризующие сферы поиска только библиографической и архивной эвристикой. Более того, при характеристике сфер поиска письменных источников необходимо было осветить и принципы работы археографических экспедиций, о чём в книге, увы, нет ни слова.

В очередной раз акцентируется внимание на такой проблеме, как вопрос о репрезентативности источниковой базы исследования. И, к сожалению, в очередной раз дело не идёт далее простой констатации важности и сложности этой проблемы. Ответа же на вопрос, каким образом следует определить достаточную репрезентативность или хотя бы как выдвинуть рабочую гипотезу о достаточной репрезентативности собранных материалов, — автор книги не даёт. Учитывая, что жанр работы — учебное пособие, отсутствие ответа на этот сложный вопрос снижает качество пособия.

Самая объёмная и вызывающая при этом наибольшее количество вопросов — третья глава книги. В ней изложено видение Н. Г. Григорьевой второго этапа источниковедческого исследования, который она предлагает называть *текстологическим*, что лишней раз подчёркивает исключительное внимание автора к письменным источникам при почти полном игнорировании остальных их типов. Открывает главу краткое описание различных позиций понимания значения термина «текстология». Автор вольно или невольно вводит читателей в заблуждение, утверждая, что одновременно с признанием текстологии самостоятельной наукой, историки пришли к выводу, что текстологический анализ может рассматриваться как «часть общей методики источниковедения» [1, с. 59]. Но, во-первых, предложение С. М. Каштанова считать текстологический анализ «частью общей методики источниковедения» было высказано ещё в 1970-х гг. [6, с. 14], в то время как окончательное признание текстологии самостоятельной наукой сложилось только к концу XX в. Во-вторых, «текстология» и «текстологический анализ» вовсе не взаимозаменяемые понятия. В-третьих, на этапе, который Н. Г. Георгиева предлагает именовать текстологическим, значительная часть критики источника имеет в виду работу не только с текстом, но и с материалом, на котором текст зафиксирован, в силу чего не только такие ведущие специалисты в области теории источниковедения, как В. В. Фарсобин, но и большинство историков видят в текстологическом анализе лишь один из приёмов изучения письменного источника, а вовсе не стадию его исследования.

Итак, текстологический — это неудачное наименование этапа источниковедческого исследования, т. к. далеко не только письменные источники составляют объект источниковедения. Сама Н. Г. Георгиева пишет: «В принципе **объектом источниковедения** как науки об исторических источниках **должны быть все типы**» [1, с. 75]. Но далее она утверждает: «Однако в настоящее время вопросы текстологического анализа в большей степени разработаны для письменных источников. Поэтому в данном пособии при рассмотрении результатов текстологического изучения автор вынужден оперировать примерами, связанными с письменным типом источников. Полновесное исследование вещественных, фонических и изобразительных источников — назревшая актуальная задача, осуществить которую предстоит будущим поколениям источниковедов» [1, с. 76–77]. Подобное утверждение трудно понять. Что это? Искреннее заблуждение уважаемого профессора или сознательная попытка снова ввести в заблуждение читателей на этот раз с целью внедрить новое наименование «старой доброй» внешней критики? Следует ли понимать заявление о том, что полновесное исследование вещественных источников — актуальная задача для будущих поколений, как полное отрицание всех уже имеющихся заслуг археологии? Или следует свести всю проделанную на сегодняшний день научную работу археологов только к выявлению источников? Более они ничем в течение столетий не занимались? Так и не выработали приёмов критики того, что добывают в ходе археологических разведок и экспедиций? Или проблема в том, что им просто не приходило в голову считать лепную керамику «текстом», а её датировку, анализ материала «текстологическим этапом»? Постановка как актуальной задачи для будущих поколений историков разработки приёмов изучения изобразительных источников, игнорирует все достижения отечественной школы их источниковедческого исследования. Видимо, по мнению Н. Г. Георгиевой, невозможно использовать в качестве примеров в пособии источниковедческие изыскания, скажем, д-ра ист. наук, проф. МГУ, историка русской иконописи Владимира Александровича Плугина и его учеников, т. к. в них они, видимо, умудрились не прибегать к приёмам «текстологического анализа», поскольку их ещё полновесно разработают в будущем [9, 10 и др.]. Солидная история и у разработки

приёмов источниковедческого анализа таких смешанных типов источников, как гербы, печати, монеты и бумажные денежные знаки, флаги и вымпелы, ордена и медали и т. п. Необходимость особых методов их источниковедческого изучения на этапе т. н. внешней критики уже давно породила целый ряд вспомогательных исторических дисциплин. Эти дисциплины, в отличие от тех, в чью объектную область не входят источники (те же хронология или генеалогия), входят в единое целое с источниковедением в широком его понимании наряду с археологией и этнологией и вспомогательными дисциплинами, чьей задачей является разработка специальных приёмов изучения письменных источников (палеография, дипломатика или летописеведение).

Думается, что дело всё же не в отсутствии разработанности приёмов по определению подлинности источника, даты и места его создания, реконструкции его облика путём ли выявления редакций и списков письменных текстов, восстановления ли более ранних слоёв на иконах и фресках или реставрации археологической керамики. Дело в том, что, с одной стороны, источниковедение рождалось и долгое время воспринималось исключительно как критика письменных источников, и при этом, прежде всего, источников нарративного характера. Ещё в середине XX в. учёные спорили о том, какой дисциплиной считать источниковедение: исторической или филологической? В то время ещё не была проведена грань между вспомогательными историческими дисциплинами и источниковедением, также шли дискуссии о признании за источниковедением, наряду с археологией и этнографией, статуса специальной исторической науки. Отсюда сложилась традиция: в источниковедении как учебной дисциплине осваивать приёмы источниковедческой работы почти исключительно с письменными источниками. С другой стороны, в письменных источниках объективно в большей степени, по сравнению с теми же вещественными источниками, отражена вся многогранность прошлого. С письменными источниками в этом плане могут поспорить разве только кинодокументы, да и то, начиная с эпохи звукового кино. Да, в том, что касается работы с кино-фото-документами и фонодокументами, историки только приступили к разработке приёмов их источниковедческого изучения. Это же относится и к т. н. машиночитаемым документам. Но, во-первых, сами эти типы источников, особенно машиночитаемые, возникли не так давно. Во-вторых, к ним вполне можно применить и те приёмы, которые используются для работы с письменными документами. В-третьих, так ли давно, с точки зрения развития исторической науки, стали разрабатываться приёмы исследования такого вида письменных источников как статистические материалы? Во всяком случае, гораздо позже, чем приёмы работы с археологическим материалом. Видимо, не случайно статистические материалы «выпали» из классификации письменных источников, предложенной Н. Г. Георгиевой в первой части её книги [2, с. 223].

Параграф, в котором освещается методика изучения атрибутивных особенностей внешнего вида и оформления текста источника, содержит слишком много неточностей, а иногда и нелепостей, обусловленных, видимо, несколько упрощённым подходом к некоторым вопросам источниковедения. Так, объяснение причин сохранения, помимо электронных версий документов, их письменных копий Н. Г. Георгиева сводит, отсылая к известной бюрократической консервативности [1, с. 83]. Однако бюрократический консерватизм здесь, если и играет какую-то роль, то, скорее, последнюю из возможных. Во-первых, следует помнить, что электронные версии документов создаются, прежде всего, в сфере делопроизводства и, в некоторых случаях, при оформлении акта в узком его понимании (как документа, фиксирующего в юридической форме сделку). Немаловажно иметь возможность в случае юридического, в т. ч. и судебного, разбирательства представить этот документ как юридическое обеспечение своей правоты. Органы государственной власти во многих случаях не примут документ в электронном виде. В суде же принимаются только копии электронных документов на твёрдом (чаще бумажном) носителе с печатями и подписями, оформленными в установленном порядке. Никакой накопитель на жёстких магнитных дисках или USB-флеш-накопитель в этом отношении не позволит проставить «в себе» печати и личные подписи, и принят не будет. Во-вторых, ещё одна причина — тот факт, что сегодня большинству фальсификаторов, с одной стороны, технически проще подделать электронный документ, а, с другой стороны, большинству чиновников, исследователей и обычных пользователей электронной документации сложнее отследить и выявить электронный фальсификат.

Необходимо разобраться и с путаницей, возникающей при рассмотрении Н. Г. Георгиевой того, к каким видам источников применим формулярный анализ. В начале автор указывает: «На том основании, что материалы актового (законодательного, договорно-правового, нормативного и программно-уставного) характера обладают довольно устойчивой структурой, исследователями был сделан вывод, что к ним применим так называемый формулярный анализ, нацеленный на изучение внутреннего по-

строения документов и выработку некоего условного (абстрактного) формуляра, способствующего решению вопросов классификации и эволюции источников» [1, с. 90]. Хорошо, опустим тот факт, что перечень вопросов, решаемых с помощью формулярного анализа, гораздо шире, чем указано автором пособия. Важнее то, что применение формулярного анализа к группе видов источников, объединяемых понятием «материалы актового характера», основано вовсе не на существовании у них некоей устойчивой структуры, а на создании этих документов с учётом формуляра. Формуляр документа и его структура — близкие, но вовсе не тождественные понятия. Структура — понятие и более широкое, и более глубокое. Формуляр же документа — всего лишь модель построения документа, но, при этом, модель жёсткая, предусматривающая обязательные требования к построению конструкционной сетки и наличию реквизитов. Именно эта черта формуляра связывает виды, подвергающиеся формулярному анализу. Всё, что анализируется с помощью формуляра, имеет в той или иной степени выраженности характер юридического документа. По этой причине к актовым материалам относят законодательные акты, актовые материалы в узком смысле слова (документы в юридической форме фиксирующие сделки публично и частноправового характера) и все, подчёркиваю, все разновидности делопроизводственной документации. И не относят летописи, периодическую печать и эпистолярные источники.

Сказанное делает очевидным ошибочность позиции тех, кто по утверждению Н. Г. Георгиевой, заметил и высказал здравую мысль, что «и другие виды и разновидности источников (летописи, протоколы заседаний и полицейских допросов, делопроизводственные и личные письма) тоже обладают сложившимся формуляром, устойчивой структурой и диспозицией текста» [1, с. 90]. Как говорится, «всё смешалось в доме Облонских». Начнём с того, что протоколы заседаний и полицейских допросов, как и нормативные, и программно-уставные материалы, — это всё разновидности делопроизводственной документации. Никто и никогда их не разделял по применимости к ним формулярного анализа, и не исключал протоколы из группы тех источников, которые не только возможно, но и должно изучать, опираясь на формулярный анализ. Это азы источниковедческого исследования. Более того, именно так работают долгие годы источниковеды с делопроизводственными документами. В частности, нарушения формуляра значительно упрощают задачу выявления фальсификатов среди массы подделок и подлогов делопроизводственной документации XX в. На это следует обратить внимание и потому, что нарушение формуляра делает любой документ актового характера фактически ничтожным. И с этой точки зрения несопоставимо сравнение формуляра делопроизводственного письма и диспозиции текста личного письма.

Погодная запись событий в русских летописях, на которую, как на элемент формуляра, ссылается Н. Г. Георгиева, действительно составляет характерную особенность русского летописания. Однако она вовсе не была исключительным требованием. Элементы её несоблюдения наблюдаются во все не только со второй половины XVI в., как утверждает автор пособия [1, с. 91]. Примером более раннего по времени нарушения привычного оформления исторического материала в виде погодной сетки может быть хотя бы Галицко-Волынский свод XIII в. [8].

Попытка включить в группу источников, имеющих формуляр, личные письма, также не выдерживает критики. Да, личные письма с самого начала предполагали некие устойчивые элементы текста, то же приветствие, например. И, да, письменный этикет достиг своего апогея к рубежу XVIII–XIX вв. Но отсутствие в начале текста личного письма эпохи средневековья слова «поклоняние» во все не превращало его в недействительное письмо или в черновик, который в беловом варианте снабдят приветствием. Традиционный элемент эпистолярного этикета вовсе не является неукоснительно-обязательным элементом формуляра. И дело здесь вовсе не в том, что XIII–XV вв. — времена становления эпистолярного этикета, а его требования начнут смягчаться только в начале XX в., когда молодежь «в переписке с друзьями тщательным соблюдением этикета не лишком озабочивалась» [1, с. 95]. Молодёжь всегда остаётся молодёжью, в любую эпоху. Дело не только в молодости авторов писем, и не только в дыхании нового времени. Чтобы убедиться, что эпистолярный этикет и обязательность реквизитов формуляра — не одно и тоже по жёсткости их соблюдения, достаточно просто почитать личные письма «этикетного» XIX в. Можно начать с анализа одного из первых выработавшихся элементов эпистолярного этикета — приветствия. Вот начало письма, писанного в 1901 г. вполне зрелым сорокаоднолетним мужчиной: «Собака Олька! Я приеду в первых числах мая» [17, с. 375]. Никакого обязательного приветствия, как видите, нет. Конечно, можно указать на то, что адресат явно был в близких отношениях с автором письма. Что ж, тогда обратимся к письмам в адрес тех, с кем автор был на «Вы». «Милая Лика, Вы выудили из словаря иностранных слов слово “эгоизм” и

угощаете им меня в каждом письме. Назовите этим словом свою собачку», — писал тот же автор в 1893 г. [17, с. 285]. И снова — без приветствия, и, кстати, без даты, и без многих других этикетных элементов. Нет, автор вовсе не был ни грубияном, ни женоненавистником. Письмо без обращения — его характерный стиль, который не зависел ни от возраста автора писем, ни от адресата, ни от времени их написания. 1888 г., первые строки одного из его же писем: «Я надул Вас невольно, добрейший Владимир Галактионович...» [17, с. 79]. А вот вовсе не этикетное обращение из письма 1869 г. другого автора, которому было в тот момент пятьдесят два года: «Многоуважаемый старче, иже на Неве реце! Моли за мя, отче честный, избавлену быти от сети неприязненны и от противна врага соблюди мя твоими молитвами!» [16, с. 472]. Надо ли говорить, что письмо адресовано вовсе не священнику, как и автор его вовсе не принадлежит к духовному сословию? Вполне уместно в этом письме читается далее: «На кой бес, смелую глаголати, аки явор бездушный, на реце Неве корни своя пустиши?» [16, с. 472]. Как естественно читается и его ироничное окончание: «Помяни мя, старче, во молитвах твоих, недостойна и скверна раба божия», — игнорирующее всякие этикетные «Ваш покорный слуга», «искренне Ваш» и пр. Самая строгая по соблюдению эпистолярного этикета эпоха — первая половина XIX в. Но и в ней мы находим массу исключений из правил эпистолярного этикета. Вот первые слова, использованные вместо обращения, из письма 1834 г.: «Какая ты дура, мой ангел!» [14, с. 128]. Нарушить этикет было допустимо даже в почти официальном письме самому главе Третьего отделения его императорского величества Канцелярии А. Х. Бенкендорфу. Вместо положенного «Ваше превосходительство» можно было начать с фамильярного в такой ситуации «милостивый государь», а затем, объяснив, что не намереваетесь исполнять требования высоких властей, закончить ироничным на этом фоне этикетным элементом: «Вашего превосходительства *покорнейший слуга*» [13, с. 244].

Выделение текстологического этапа из единой стадии источниковедческого анализа порождает ещё две проблемы. Во-первых, происходит возвращение к устаревшему делению источниковедческой критики на «внешнюю» и «внутреннюю». И, во-вторых, имеет место искусственное разделение единой интерпретации текста на интерпретацию буквального и истинного смыслов.

Понятийно-терминологические нововведения продолжены Н. Г. Георгиевой в разделе, посвящённом понятийно-терминологическим и методическим вопросам установления автора, времени и места создания источника. В отечественном источниковедении давно и прочно вошли в обиход два термина: «установление авторства» и «атрибуция». Первый из них более узкий, обозначающий выяснение максимально точной информации о создателе (индивидуальном или коллективном) источника. Второй трактуется более широко, чаще всего как проведение сразу трёх исследовательских операций: установление авторства, времени и места создания источника. Основываясь на справедливом замечании Л. Е. Шепелева в сомнительности использования этих двух терминов как взаимозаменяемых или в качестве синонима, Н. Г. Георгиева предлагает отказаться от использования термина «атрибуция» и ввести новый термин [1, с. 114–115]. Однако, во-первых, неверное использование термина в ряде источниковедческих работ ещё не означает его непригодности. Не предлагается же отказаться от терминов «власть» и «господство» в политологии только потому, что кто-то неверно использует их как взаимозаменяемые и синонимичные. Во-вторых, ни упомянутый далее в этом контексте Н. Г. Георгиевой А. П. Пронштейн, ни И. Н. Данилевский не предлагают отказаться от термина «атрибуция». Один из них рассуждает о том, что могло бы выступить заменой термину «установление авторства», а второй об особом термине для определения, скорее, критерия авторства. А. П. Пронштейн предлагает заменить «установление авторства» одним словом «апроприирование», которое должно пониматься как приписывание источника какому-либо автору [12, с. 235, 236]. Судя по тому, что спустя долгие годы, после того как А. П. Пронштейн выдвинул своё предложение, термин так и остался не принятым, он не был признан удачным. В том числе и потому, что «приписывание» подразумевает признание исследователями только вероятности результата своих действий, и полный отказ от их хотя бы относительной истинности. И. Н. Данилевский, размышляя о возможном использовании термина «идентификация» для обозначения одной из операций в источниковедческом исследовании, видит его отличный от установления авторства результат действия: установление роли группы или лица в составлении текста источника [11, с. 197]. Н. Г. Георгиева же предлагает, исключив термин «атрибуция», использовать как замену другому термину — «установление авторства» — термин «патернизация», образовав его от французского слова «*paternité*» — **авторство!** Смысл такой замены видится только в одном: замены русского по происхождению слова «авторство» на французское по происхождению новое словесное образование. Нечто вроде призыва использовать в небесной ме-

ханике для обозначения объекта, обращающегося по определённой орбите вокруг другого объекта, в качестве термина вместо слова «спутник» слово «саттелит», которое почему-то должно считаться то ли более точным, то ли более глубоко отражающим суть явления.

Трудно согласиться и с предложениями Н. Г. Георгиевой не углубляться в поиск индивидуальных авторов у документов политических партий, периодической печати и законодательных актов, поскольку якобы они всегда являются творениями коллективов. По отношению к программам и уставам политических организаций такая позиция может быть в некоторой степени оправдана. Хотя интуиция историка услужливо предлагает не забывать про «Русскую правду» П. И. Пестеля, «Конституцию» Н. М. Муравьёва, формулировку Л. Мартова § 1 устава РСДРП 1903 г. и другие документы политических организаций, в создании которых роль личности оказывалась настолько решающей, что игнорировать этот факт невозможно. Точно так же невозможно остановиться на поисках коллективного автора законодательных актов эпохи Российской империи. Известно, что и Пётр I, и Екатерина II зачастую сами были творцами своих указов и манифестов. Даже когда был создан в 1810 г. Государственный совет и императоры ограничивались в своей законодательной деятельности росчерком «быть по сему», многие узаконения полностью были составлены одним человеком. Так, например, докладная записка С. Ю. Витте о введении казённой винной монополии стала текстом закона, изменившись только в одном — в появлении на её полях той самой резолюции: «Быть по сему». Поскольку законодательство — это один из главных инструментов государственной политики, постольку необходимо знать, кто именно выступал в качестве творцов правовых норм. Признание текстов журналистских статей, очерков, репортажей результатами коллективного творчества уже напрямую искажает истинное положение вещей. Да, редакторская правка имеет значение, но она имеет место и при публикации научных статей, и при издании произведений художественной литературы. Однако этот факт не делает соавторами текстов работ по физике А. Эйнштейна или романов Л. Н. Толстого редакторов тех журналов, где они печатались.

Излишним и слабо обоснованным выглядит и предложение Н. Г. Георгиевой использовать в качестве замены термину «двойная дата» термин «дублирующая датировка» [1, с. 121]. Начнём с того, что нет никакой смысловой разницы между словами «дубль» и «двойной». А вот между словами «дата» и «датировка» такая разница есть. Дата — это запись, включающая в себя число месяца, месяц и год. Датировка — не только запись, но и процесс установления времени создания источника. Именно поэтому, двойная датировка — это результат выявления исследователем разницы во времени написания и опубликования источника. А двойная дата — простое указание числа месяца, месяца и года одного и того же события, в т. ч. и создания источника, по разным системам летоисчисления: скажем, по юлианскому и григорианскому календарям, или «от сотворения мира» и «рождества Христова».

Целью первых шагов на текстологическом этапе Н. Г. Георгиева считает создание «портрета источника», под этим термином ею понимается комплекс его внешних черт, особенности формы и структуры. Далее следует выяснить «биографию источника» — термин, данный Н. Г. Георгиевой, означает бытование источника, выполнение им своей социальной функции. Более удачными выглядят предложенные Н. Г. Георгиевой для характеристики «биографии источника» термины: «генетические связи источника» и «генеалогическое родство источника» [1, с. 67]. В первом случае имеется в виду анализ процесса возникновения источника от замысла до белого варианта; во втором — выявление протографа, списков, редакций первичного носителя.

Наиболее удачным предложением Н. Г. Георгиевой в области обновления терминологии источниковедения представляется обращение к терминам «генетические связи» и «генеалогической родство» [1, с. 132–135]. Действительно, следует согласиться с автором пособия в том, что при всём внешнем сходстве текстологических приёмов в данных случаях решаются различные задачи в процессе изучения происхождения источника и добываются различные результаты. В первом случае речь идёт об исследовании исключительно авторских вариантов текста, что позволяет увидеть мотивы автора и проследить особенности процесса его творческой деятельности по созданию текста. Когда же речь идёт о «генеалогическом родстве» рассматриваются памятники, явившиеся результатом деятельности переписчиков и редакторов текста. Внимание исследователя в таком случае сосредоточено на неавторских копиях, редакциях, меняющих смысл текста, и, по сути, зачастую создающих новое поколение источников. Не случайно текстологические стеммы внешне столь похожи на генеалогические таблицы. Впрочем, редкое акцентирование историками внимания на этих разных сторонах истории текста источников не значит, что на практике они не различают «генетические связи» и

«генеалогическое родство». Одним из самых ярких примеров высокой результативности исследований с акцентом на обе группы решения текстологических задач является комплекс работ, написанных в рамках дискуссии о соотношении списков и редакций «Задонщины» в связи с проблемой подлинности «Слова о полку Игореве» [3; 4 и др.].

Главы в книге Н. Г. Георгиевой, в каждой из которой, кроме первой, рассматривается отдельный этап источниковедческой работы, по своему объёму очень неравномерны. Третья глава, посвящённая т. н. текстологическому этапу, занимает более половины текста книги, в то время как анализ не менее важного этапа, на котором решаются вопросы полноты, точности, достоверности информации источника и, соответственно, итогом должна стать оценка информационной значимости источника для исторического исследования, занимает всего семнадцать страниц из почти двухсот страницного текста [1, с. 156–172]. Этот этап Н. Г. Георгиева обозначает как «*герменевтический*». Заслуживает особого внимания первый параграф главы, где автор представляет обзор бытования термина «*герменевтика*» в отечественном источниковедении. Впервые не только поднимается вопрос традиционной и нетрадиционной трактовки «герменевтики», но и указывается, что нетрадиционная трактовка связана только с одним из возможных подходов к методологии источниковедческого исследования, а именно феноменологическим. Автор пособия обращает внимание на субъективно-идеалистический антисциентистский характер этого рода философии истории. Отмечается и то, что данный подход не является общепринятым в современной отечественной исторической науке.

К сожалению, последний параграф главы выглядит написанным на скорую руку. Не представлены все виды информации источников, которые выделяет современное источниковедение. В частности, не рассматриваются в их противопоставлении актуальная и потенциальная информации. Смешиваются понятия потенциальной, косвенной и ненамеренной информации, нет характеристики такого качества информации источника, как её репрезентативность. Дважды внутреннее разделение текста параграфа озаглавлено как «Методика определения достоверности информации» [1, с. 167, 170]. Наряду с тем, что на нескольких страницах прослежена эволюция понимания достоверности информации источника в отечественной исторической науке, сами исследовательские принципы и процедуры определения достоверности остались не раскрытыми. В книге нашлось место только задачам, которые следует решить при оценке достоверности. А каким образом следует решать эти задачи, автор не пояснила.

Подводя итог, хочется отметить, что, несмотря на некоторые упущения и спорные моменты, продолжение учебного пособия Н. Г. Георгиевой сохранило одну из ценных черт предыдущей книги: возникающее после его прочтения желание обратиться к дискуссии с автором. Некоторые предложения автора в области терминологии («портрет источника», «биография источника», «генетические связи источника», «генеалогическое родство источника») заслуживают принятия их современной источниковедческой наукой. Безусловное достоинство книги — и то, что логичное изложение материала, ясный выверенный язык автора, не склонного к тому же злоупотреблять иноязычными терминами, делает текст пособия лёгким для восприятия читателями самого широкого круга. Индивидуальный авторский стиль Н. Г. Георгиевой можно охарактеризовать как глубоко интеллигентный, чуждый агрессивному навязыванию читателю однозначных оценок и мнений. Столь редкий сегодня интерес автора к непростой проблематике, творческий подход к решению вопросов теории и методологии источниковедения, изложенный не в монографическом труде, а в учебном пособии, есть то, что побуждает с особым интересом ждать результатов изысканий Н. Г. Георгиевой уже в виде научных публикаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Георгиева Н. Г.* Историческое источниковедение: понятийно-терминологические и методические проблемы: учеб. пособие для гуманитар. отделений вузов. М.: Проспект, 2016. 192 с.
2. *Георгиева Н. Г.* Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. М.: Проспект, 2016. 248 с.
3. *Горский А. А.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» // Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 154–180.
4. *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* По поводу статьи Зимина А. А. «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 105–121.
5. Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1981. 496 с.
6. *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 502 с.
7. *Ключевский В. О.* Источниковедение: источники русской истории // Соч. В 9 т. Т. VII. Спец. курсы. М.: Мысль, 1989. 508 с.

8. *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынский свод: летопись или собрание повестей? // Средневековая Русь. Вып. 6. М.: «Индрик», 2006. С. 119–136.
9. *Плугин В. А.* Мировоззрение Андрея Рублёва. М.: Изд-во МГУ, 1974. 164 с.
10. *Плугин В. А.* Загадки благовещенского иконостаса // Русское Средневековье. 1999. Духовный мир: сб. науч. ст. М.: Мануфактура, 1999. С. 98–113.
11. *Пронштейн А. П., Данилевский И. Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1986. 207 с.
12. *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та. 1976. 477 с.
13. *Пушкин А. С.* Письма // Собр. соч. в 10 т. Т. IX. М.: Изд-во «Правда», 1981. 448 с.
14. *Пушкин А. С.* Письма // Собр. соч. в 10 т. Т. X. М.: Изд-во «Правда», 1981. 391 с.
15. *Русина Ю. А.* Методология источниковедения: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 204 с.
16. *Толстой А. К.* Избранные письма // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Изд-во «Правда», 1980. 591 с.
17. *Чехов А. П.* Избранные письма // Собр. соч. в 12 т. Т. XII. М.: Изд-во «Правда», 1985. 448 с.

REFERENCES

1. *Georgieva N. G.* Istoricheskoe istochnikovedenie: poniatiiino-terminologicheskie i metodicheskie problemy: uchebnoe posobie dlia humanitarnykh otdelenii vuzov [The Historical source studies: terminological and methodological problems: a textbook for humanitarian students]. Moscow, Prospect Publ., 2016, 192 p. (In Russian).
2. *Georgieva N. G.* Istoricheskoe istochnikovedenie: teoreticheskie problemy: uchebnyk dlia vuzov [The Historical source studies: theoretical problems: a textbook for high schools]. Moscow, Prospect Publ., 2016, 248 p. (In Russian).
3. *Gorsky A. A.* Problema podlinnosti “Slova o polku Igoreve” [The Problem of the authenticity of “The Word about Igor's regiment”]. Gorsky A. A. Rus': Ot slavianskogo Rasseleniia do Moskovskogo Tsarstva [Russia: From the Slavic Settlement to the Moscow Kingdom]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, pp. 154–180. (In Russian).
4. *Dmitrieva R., Dmitriev L., Tvorogov O.* Po povodu stat'i Zimina A. A. “Spornye voprosy tekstologii “Zadonshhiny” [About the article Zimin, A. A. “Controversial issues of textual criticism “Zadonshchina”]. Russkaia literatura [Russian Literature], 1967, no. 1, pp. 105–121. (In Russian).
5. *Istochnikovedenie istorii SSSR: uchebnyk / pod redaktziei I. D. Koval'chenko* [The source studies of the history of the USSR: the textbook / under the editorship of I. D. Kovalchenko]. Moscow, Higher School Publ., 1981, 496 p. (In Russian).
6. *Kashtanov S. M.* Ocherki russkoi diplomatiki [Essays on Russian diplomacies]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 502 p. (In Russian).
7. *Klyuchevsky V. O.* Istochnikovedenie: istochniki russkoi istorii [The source studies: the sources of Russian history]. Sochineniia v 9 tomah. [Essays in 9 volumes]. Vol. VII. Spetsial'nye kursy [Special courses]. Moscow, Thought Publ., 1989, 508 p. (In Russian).
8. *Kotlyar N. F.* Galitsko-volynskii svod: letopis' ili sobranie povestei? [Galicia-Volyn arch: a chronicle or a collection of novels?]. Srednevekovaiia Rus' [Medieval Rus], vol. 6. Moscow, “Indrik” Publ., 2006, pp. 119–136. (In Russian).
9. *Plugin V. A.* Mirovozzrenie Andreia Rubleva [The Worldview of Andrei Rublev]. Moscow, Moscow State University Press, 1974, 164 p. (In Russian).
10. *Plugin V. A.* Zagadki blagoveshhenskogo ikonostasa [Mysteries of the Annunciation iconostasis]. Russkoe srednevekov'e. 1999. Dukhovnyi mir: Sbornik nauchnykh statei [Russian middle Ages. 1999. The spiritual world: collection of scientific articles]. Moscow, Manufaktura Publ., 1999, pp. 98–113. (In Russian).
11. *Pronshtein A. P., Danilevsky I. N.* Voprosy teorii i metodiki istoricheskogo issledovaniia: uchebnoe posobie [Questions of theory and techniques of historical research: a textbook]. Moscow, Higher school Publ., 1986, 207 p. (In Russian).
12. *Pronshtein A. P.* Metodika istoricheskogo istochnikovedeniia [The techniques of historical source studies]. Rostov n/D, Rostov University Press., 1976, 477 p. (In Russian).
13. *Pushkin A. S.* Pis'ma [Letters]. Sobranie sochinenii v 10 tomah. [Collected works in 10 volumes]. Vol. IX. Moscow, “Pravda” Publ., 1981, 448 p. (In Russian).
14. *Pushkin A. S.* Pis'ma [Letters]. Sobranie sochinenii v 10 tomah [Collected works in 10 volumes]. Vol. X. Moscow, “Pravda” Publ., 1981, 391 p. (In Russian).
15. *Rusina Y. A.* Metodologiia istochnikovedeniia: uchebnoe posobie [The methodology of source studies: a textbook]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2015, 204 p. (In Russian).
16. *Tolstoy A. K.* Izbrannye pis'ma [Selected letters]. Sobranie sochinenii v 4 tomah. [Collected works in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow, “Pravda” Publ., 1980, 591 p. (In Russian).
17. *Chekhov A. P.* Izbrannye pis'ma [Selected letters]. Sobranie sochinenii v 12 tomah [Collected works in 12 volumes]. Vol. XII. Moscow, “Pravda” Publ., 1985, 448 p. (In Russian).

M.F. Makhlay

ON NEW TERMS AND METHODOLOGICAL ISSUES IN CONTEMPORARY SOURCE STUDIES

In the article through the prism of criticism of the book by Professor N. G. Georgieva, devoted to the theoretical problems of historical source study, the author discusses proposed solutions to some controversial terminological and methodological issues. Given the continuing debatability of many of them, this approach of the author of a recently published book would be welcome. The reviewer regrets that she has to admit the saving in the book habitually narrow approach to the understanding of the subject of study of historical sources. N. G. Georgieva ignores characteristics of the methods of research work with non-written sources. Special attention is paid to the analysis of a stage of research of historical source. N. G. Georgieva proposed to name this stage, unsuccessfully from the reviewer's point of view, as textological stage. Analysis of provisions of the book and the new terms proposed by Georgieva is not allowed the author of the review to agree with some of them. However, the book has many advantages: a logical and complete structure, a correct way of describing discussion problems, original suggestions in the terminology of the interpretation of a text, a science-like and at the same time simple clear language. In general, the author of the review believes that this manual is one of the best on the theoretical problems of modern source studies among those published in recent years.

Keywords: N.G. Georgieva, subject of source study, heuristic stage, textological stage, source interpretation, hermeneutic stage, source information.

Махлай Марина Федоровна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: derwin1@rambler.ru

Makhlay M. F.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: derwin1@rambler.ru